

Глава 34. Главный герой выходит на сцену

Цзян Тан был человеком, который посмотрелся в жизни всякого. Всё, что понимал великий босс Фу, понимал и он, а чего тот не понимал, тем более понимал он. И сейчас, захваченный тёплой сонливостью с головы до ног, он уплывал в сладкий сон.

Мм. Всё-таки засыпать в объятиях красавца приятнее всего на свете.

Под лапами чувствовалось тепло, проступавшее сквозь одежду, и сильная, удивительно приятная на ощупь грудь. Сонный пушистый комочек, пользуясь тем, что по-прежнему оставался в зверином облике, потоптался лапками по груди великого босса, украдкой ещё раз воспользовался случаем и, вдохнув чистый прохладный аромат красавца, перевернулся набок и снова растянулся звёздочкой.

Спал он так сладко, что розовый кончик языка даже вывалился наружу наполовину.

Фу Линцзюнь смотрел на совершенно беззащитный пушистый комочек у себя на руках и слегка поджал губы.

Он машинально хотел протянуть руку и ткнуть в этот розовый кончик языка, но вдруг что-то вспомнил и на середине движения убрал руку.

Маленький комочек спал удивительно спокойно. Наверное, ему даже снилась еда: он во сне то и дело причмокивал, и казалось, ещё немного — и из уголка пасти потечёт слюна.

Перед ним была всего лишь бесформенно спящая зверушка.

Зверушка, которую он видел спящей уже бесчисленное количество раз.

Но глаза Фу Линцзюня были темнее самой ночи, словно сквозь этого пушистого комочка он пытался разглядеть другое лицо — то, которое тогда мелькнуло лишь на миг и не дало рассмотреть себя как следует.

Лицо, исчезнувшее мгновенно, но так глубоко врезавшееся ему в память.

Будто бы... не в тот единственный раз. Может, он видел это лицо и раньше? Такое мягкое, ослепительно красивое, склоняющееся к нему, прижимающееся к нему...

Прошло очень много времени, прежде чем он осторожно вынул пушистый комочек из объятий и положил рядом на подушку. Сам он, однако, ложиться не стал. Поднялся, подошёл к окну, поставил маленький барьер, скрыл своё присутствие и, ступая по воздуху, ушёл в ночное небо над областью Цянькунь.

Сян Син почувствовал, что хозяин ушёл, поспешно поднялся, распахнул окно и всмотрелся в ту сторону, где находился Фу Линцзюнь.

Фу Линцзюнь лишь бросил на него взгляд через плечо и ничего не сказал. Сян Син тут же жалобно закрыл окно обратно.

— Хозяин... идёт... куда? Почему... не взял... Сян Сина?

Фу Линцзюнь, идущий по воздуху, вообще не ставил защитников области Цянькунь ни во что. Он открыто прошёл мимо них, даже не пытаясь скрываться.

А ведь стражи Цянькуня считались одной из сильнейших групп культиваторов среди пяти областей пяти стихий. Но, пока Фу Линцзюнь не миновал пустоши за пределами Чишуя, служившие внешней маскировкой, никто из них так ничего и не заметил.

Пересекая Чишуй, Фу Линцзюнь добрался до внешних окраин Уя.

Была глубокая ночь. Туман почти сгущался в мелкие капли воды и лип к телу, будто сетью. Воздух был вязким, температура заметно упала, а ветер, пробиравшийся сквозь лес со всех сторон, был пропитан сыростью.

Это была одна из троп, ведущих от Уя к области Цянькунь. На внешней окраине Уя в основном водились низкоранговые демонические звери, не слишком опасные. Поэтому многие культиваторы, чтобы срезать путь, пользовались именно этой дорогой.

Фу Линцзюнь огляделся по сторонам, и вскоре его взгляд остановился на трещине в скале неподалёку. Изнутри доносился мелкий шум. И не от одного существа — там пряталась целая стая.

Это были кровожадные летучие мыши.

Низкоранговые демонические звери. Любой культиватор ступени ученика Дао мог легко их зарубить. Но эти твари особенно любили действовать стаями. А когда их собиралось слишком много и атаки сыпались со всех сторон, то даже культиватора ступени формирования ядра они вполне могли измотать до смерти.

К счастью, большую часть времени они прятались в укромных щелях скал и из-за страха света не отличались особой агрессивностью. Даже если случайно попасться им, при достаточной удаче ещё можно было вырваться. Главное — не ввязываться в бой, а просто бежать.

Фу Линцзюнь сложил печать и легко коснулся пустоты кончиками пальцев. Перед ним тут же возникло водяное зеркало.

Вообще-то Шэн Итюзэ, как лекарь, не собиралась приезжать в область Цянькунь. Но, расставшись с Сун Янем, она по счастливому совпадению вновь встретила и самого Сун Яня, и Сун Цзиньяо, лишившегося покровительства семьи.

Сейчас в водяном зеркале как раз отражалось, как все трое вместе направляются в сторону области Цянькунь.

Фу Линцзюнь прикинул время. Даже если с ними и шла лекарка, совершенно не приспособленная к дракам, за три дня они всё равно должны были добраться. До Битвы Небесных Дарований оставались считанные дни, и Сун Цзиньяо никак не мог её пропустить.

Он прокусил себе палец и у скалы, где скрывались кровожадные летучие мыши, быстро вывел в воздухе цепочку сложных знаков. Когда последняя черта была завершена, багровые письма медленно втянулись в камень и исчезли без следа.

* * *

Когда Цзян Тан проснулся, уже совсем рассвело.

За окном без умолку щебетали птицы, а проснувшаяся область Цянькунь постепенно снова наполнялась шумом. Издали и вблизи слышались зазывные голоса торговцев. Кто-то продавал одно, кто-то другое, но по утрам, конечно, больше всего было лавок с едой. Слева кричали про вонтоны, справа — про паровые булочки. Всё это влетало ему в одно ухо и оседало прямо в животе.

Он проголодался.

Цзян Тан, прижимая лапой слегка урчащий живот, выбрался с кровати и зевнул.

И тут же окончательно проснулся.

Полулежащий у кровати красавец, с бледным лицом, наполовину прикрытым длинными чёрными волосами, был так прекрасен, что с сонливостью было покончено мгновенно.

Он так давно не видел этого лица!

Ранний утренний свет целовал его ослепительные черты, и Цзян Тан невольно утонул в этой красоте ещё на лишнюю секунду.

С тех пор как они пришли в область Цянькунь, Фу Линцзюнь всё время носил на лице скучнейшую маску. По запаху и по ауре Цзян Тан, конечно, всё равно узнавал его безошибочно, но внутри оставалось странное чувство, словно чего-то всё время не хватало. И

вот теперь он окончательно понял: ему просто жизненно необходимо смотреть на лицо красавца. У-у, если каждое утро начинать с такой красоты, то на завтрак и правда можно съесть на две миски больше.

Ослеплённый красотой пушистый комочек цок-цок-цок подошёл ближе и лёг у тонкой, как нефрит, руки. Потом потёрся лбом о его ладонь.

— Иу-у...

До чего же хорошо. С тех пор как он привык быть домашним зверьком, чувство стыда Цзян Тан давно отправил в помойку. Подумаешь. Он же просто маленькая собачка. А что плохого может быть на уме у милой маленькой собачки?

Он ведь всего лишь время от времени тайком пользуется возможностью потрогать лишний раз.

Перед лицом такой очаровательной маленькой собачки Фу Линцзюнь в лучшем случае решит, что он прилипчивый. Откуда ему знать, что у Цзян Тана в голове крутится сплошная похабщина?

Тем более память о том общении душ Фу Линцзюнь полностью утратил. Значит, никак не мог узнать, сколько разнообразных способов, поз, мест и прочих вариантов Цзян Тан когда-то успел насмотреться в своей жизни.

И, подумав об этом, маленькая собачка, полная дурных мыслей, будто невзначай лизнула гладкую тыльную сторону его руки. А потом, раз уж начала, уже собиралась добраться и до пальцев.

Но бледная рука легко отодвинулась, а палец ткнул её в лоб:

— Нельзя.

Рядом с этим пальцем проступила полоска крови, которая медленно сочилась из ранки.

— Иу-у!

Красавец поранился!

Рана была совсем маленькой, но у Фу Линцзюня имелся неприятный изъян: любые повреждения заживали у него особенно тяжело. Даже такая царапина могла затягиваться с десяток дней.

Цзян Тан растерялся. Неужели великий босс опять где-то успел вляпаться? Вроде нет. В последнее время сюжет двигался относительно мирно: всего-то и дел, что сближаться с Е Чжэнвэнем. Тогда откуда эта рана?

Он машинально захотел лизнуть её, чтобы помочь, но тут же вспомнил о своей панической боязни отравления. Да, он, конечно, не умирал окончательно, но кровь Фу Линцзюня была чудовищно ядовита. Достаточно вспомнить Янь Цунси и Цзян Чаньюаня, которых она надолго выбила из игры. Даже для благого зверя это было чересчур: отравишься раз — и несколько дней пролежишь в отключке.

Все его колебания — и желание подползти, и страх — Фу Линцзюнь видел как на ладони.

Палец с ранкой почти сразу исчез из виду. А потом Фу Линцзюнь в одно мгновение снова надел своё неприметное лицо и другой рукой вынес пушистый комочек наружу.

Сян Син, как и всегда, стоял у двери ровно к сроку, готовый повести любимого Сяо Бая завтракать.

— Иди, — сказал Фу Линцзюнь, бросая ему маленькую белую собачку.

— Иу-у!

Я ещё не решил, лизать мне рану или нет! Дай мне ещё подумать!

Но в итоге Фу Линцзюнь всё равно не позволил ему коснуться ранки.

И даже специально убрал след, будто боялся, что он всё-таки случайно её лизнёт. Позже Цзян Тан уже морально подготовился отрубиться на несколько дней и просто в бессознательном состоянии пропустить кусок сюжета, но сколько ни облизывал эту руку, никакой ранки там больше не было. От злости он только сильнее кусал край одежды Фу Линцзюня.

В эти дни великий босс действительно трудился через силу.

Чтобы как следует заманить Е Чжэнвэня, Фу Линцзюнь ежедневно вынужден был терпеливо прокачивать с ним расположение. Не просто прокачивать, а делать это с выдумкой и чувством.

Например, когда Е Чжэнвэнь приходил звать его обедать в башню Цяньцяо, Фу Линцзюнь с самым серьёзным видом начинал комментировать заклęcia тишины на дверях и окнах. Термины были настолько сложны, что Цзян Тан не понимал ни слова, зато Е Чжэнвэнь слушал с открытым ртом и под конец только и смог выдать:

— Брат Линь, откуда ты вообще знаешь столько всего?

С этого дня Фу Линцзюнь явно начал сознательно раскручивать себе образ человека, досконально понимающего руны и формации.

Е Чжэнвэнь тоже время от времени притаскивал ему символы и схемы, которые сам видел, но не понимал, и просил подсказать.

Цзян Тан сперва был уверен, что Фу Линцзюнь просто блефует. Ну или берёт нахрапом, делая вид, будто всё знает, и давит на мальчишку одной только аурой. В конце концов, если верить оригиналу, его путь небесного дарования оборвался в семнадцать лет, а потом шли одни погони, контрудары и многотысячелетнее заточение в долине Тяньбэй. Откуда бы ему набраться настолько разносторонних знаний?

И всё же именно тут Цзян Тан получил оглушительную пощёчину собственной самоуверенности.

Какие бы символы Е Чжэнвэнь ни приносил — намеренно испорченные, с недостающими чертами — или какие бы схемы формаций ни показывал, с какими бы скрытыми изъянами они ни были, Фу Линцзюнь всякий раз с первого взгляда указывал самую суть ошибки.

И не только указывал. Он ещё и предлагал на основе исходной схемы несколько практичных и куда более совершенных исправлений.

А Е Чжэнвэнь, между прочим, был родным племянником главы секты Лянъи. Сам-то он мог и не разбираться, зато после каждого разговора таскал исправленные Фу Линцзюнем символы к целой группе мастеров рун при секте Лянъи. И все они пришли к одному выводу: Фу Линцзюнь обязательно должен быть личным учеником какого-нибудь скрытого великого мастера рун.

А с таким молчаливым и внушительным «охранником», как Сян Син, он всё больше походил на молодого господина, впервые вышедшего в мир, за которым старшие всё же приставили телохранителя — так, на всякий случай.

Именно такого результата Фу Линцзюнь и добивался.

Цзян Тан по-прежнему не понимал, для чего всё это великому боссу. Но одно можно было сказать точно: наблюдать за тем, как кто-то мастерски изображает безобидную овечку, чтобы потом всех придавить, и в книге приятно, а уж участвовать в этом самому — вдвойне. Особенно когда этот безалаберный юный господин Е начинает осыпать их такими дифирамбами, что и сам Цзян Тан поневоле слегка зазнаётся.

Если бы не оригинал, он бы никогда не поверил, что этот парень, способный рассыпать комплименты целыми корзинами, — тот самый избалованный молодой господин, который в книге дразнил зверей, задирали людей и жил, полагаясь на чужую власть.

Где, спрашивается, его высокомерие? Сегодня — «Брат Линь, вы редчайший талант наших времён», завтра — «Если брат Линь пожелает, когда дядя вернётся, я обязательно представлю вас друг другу». Ещё немного, и он уже всерьёз предложил бы ему службу с высоким окладом. От таких слов даже Цзян Тану становилось неловко.

Но и Цзян Тан тоже трудился через силу.

Тот наглый большой тигр, хотя его и отчитали как следует, в обычных обстоятельствах уже не лез напролом от похоти. Но каждый раз, когда приходил к Цзян Тану, то приносил какой-нибудь странный духовный плод, то таскал ядра зверей всё больше и больше размером. А увидев Цзян Тана, непременно совал подарок ему в морду и, как и его хозяин, вступал в клуб бесконечных восхвалений, каждый день осыпая его комплиментами.

— Ау-у~ Сегодня ты тоже такой милый~ Пахнешь вкусно, давай потрёмся, я тебя люблю.

— Ау-у... Ну ответь мне, а? Ты же такой хороший, не сможешь ведь вечно меня игнорировать?

— Ау! Тебе ведь нравится этот плод? У хозяина дома ещё много. В следующий раз украду и принесу тебе, будешь есть!

К счастью, всякий раз, когда эта огромная голова подползала ближе, Фу Линцзюнь просто забирал Цзян Тана к себе за пазуху. Большой тигр слегка трусил и при одном виде великого босса тут же поджимал хвост и удирал, оборачиваясь на каждом шагу, как обиженная молодая жена.

Такие тихие и мирные дни так расслабили Цзян Тана, что он почти забыл: они вообще-то вместе с великим боссом выбрались из долины Тяньбэй вовсе не отдыхать, а устраивать неприятности.

Пока однажды ночью не проснулся внезапно и не увидел водяное зеркало перед красавцем.

Ночь стояла глубокая, вокруг царил тишина. Шумная днём область Цянькунь теперь спала, и только из водяного зеркала доносились тихие звуки.

Если честно, перенеси такую сцену в средневековый замок, и он бы решил, что Фу Линцзюнь сейчас скажет: «Зеркальце, зеркальце, скажи, кто на свете всех прекрасней».

Словом, выглядело всё до неприличия злодейски.

И сцена в зеркале была не менее подозрительной.

На этот раз там было трое. Во-первых, Сун Янь. Во-вторых, знакомая девушка в розовом. А

кроме них ещё один юноша, которого Цзян Тан раньше не видел.

Парню было лет шестнадцать-семнадцать. Волосы высоко собраны, на нём светло-синее парчовое платье, тонкую талию перехватывает пояс цвета лунного света, а на ногах сапоги из кожи какого-то демонического зверя. В движении они будто гнали ветер, и весь юноша казался ярким, бодрым и по-молодому ослепительным.

Только сейчас этой ослепительности явно мешали.

В эту минуту он одной рукой поддерживал, другой почти тащил на себе девушку в розовом. Что-то в зеркале преследовало их, и юноша был вынужден сражаться, не имея возможности развернуться в полную силу. Оттого вид у него становился всё более жалким. Дорогая одежда уже покрылась пылью, на ткани виднелись едва заметные пятна крови.

— Дядя Сун, уводите госпожу Шэн отсюда первой! — крикнул юноша. Его духовный меч мелькал в воздухе, срубая одно за другим существа, которые лезли со всех сторон. Что-то тяжёлое беспрестанно падало на землю, а потом над ними снова и снова проносился шум огромной стаи машущих крыльями тварей.

Поскольку преследователи подбирались всё ближе, а сам юноша уже едва отбивался, защитить девушку он больше не мог. Поэтому резко толкнул её к Сун Яню.

— Братец Цзюнь! Не надо! — девушка попала в руки Сун Яня, но взгляд её прекрасных глаз по-прежнему был полон тоски и обращён только к юноше. От волнения голос сорвался на высокий крик. — Если уходить, то вместе!

Девушка в розовом была тонкой, хрупкой и после долгого бегства совершенно обессилела. Пряди волос прилипли ко лбу, но это нисколько её не портило. Напротив, делало ещё более жалкой и прекрасной.

Красавица первейшего сорта. Брови, как горные дали в дымке. Глаза, как осенние воды. Сейчас, переполненные страхом и тревогой, они ещё ярче мерцали влагой. Даже издали хотелось цокнуть языком от восхищения.

Но стоило подумать о красоте, как Цзян Тану тут же показалось, что Фу Линцзюнь всё равно красивее. Не потому, что в его красоте было что-то женственное — вовсе нет. Просто Цзян Тан больше любил такую красоту: яркую, броскую, напористую, с хищным обаянием. На людях великий босс всегда нёс с собой ауру, способную разрушить небо и землю, а наедине в нём вдруг появлялась мягкая, почти нефритовая умиротворённость. От такого и правда можно было потерять голову.

Погодите. Стоп. Братец Цзюнь?

Главного героя «Дао в заточении» звали Сун Цзюнь, а его второе имя было Цзиньяо. Каждый раз, появляясь в кадре, Шэн Итюэ звала его именно «братец Цзюнь», мягко и нежно. Значит, босс Фу уже давно следил за Сун Цзиньяо? Но тогда при чём здесь Сун Янь и Шэн Итюэ?

В оригинале, когда главный герой героически спасал красавицу, никаких лишних свидетелей рядом не было. И уж тем более там не было Сун Яня — ходячего шпиона-трупа, которого к ним подослал сам Фу Линцзюнь.

Из этого Цзян Тан мог сделать только один вывод: нынешнюю опасность для главных героев тоже устроил великий босс. А потом не только устроил, но ещё и с большим любопытством наблюдал издалика... Настоящий злодей, как он есть.

Тем временем положение в водяном зеркале становилось всё хуже.

Наконец Цзян Тан сумел рассмотреть преследователей как следует. За главными героями гналась стая гигантских летучих мышей. Каждая размером с баскетбольный мяч, с уродливой плоской мордой, выдающимися клыками и красными глазами. С первого взгляда было ясно: приличными этих мышей не назовёшь.

Их было слишком много. Чёрная масса, волной накатывающая с воздуха. Сун Цзиньяо ещё удавалось убивать нескольких за раз и на мгновение расчищать путь к бегству. Но летучие мыши всё не кончались, а ему вдобавок приходилось защищать Шэн Итюэ — хрупкую лекарку, не умеющую толком драться. Духовная энергия в его теле почти иссякла.

— Уходите! — крикнул Сун Цзиньяо, уже едва держась. Из жемчужины Нахай он выхватил тонкий артефакт, похожий на лотос, и бросил вперёд. В тот же миг из артефакта вырвалось золотое сияние, осветившее чёрный мир вокруг, а затем перед ними раскрылась дорожка золотого света, ведущая наружу.

Похоже, всё происходило в узкой горной пещере.

Пещера была забита летучими мышами до отказа, а из-за тесноты люди, попавшие внутрь, и так едва могли двигаться. Мыши облепляли их со всех сторон, не давая вырваться.

— А как же ты, братец Цзюнь? Братец Цзюнь, я не уйду! — девушка снова разрыдалась, как цветок груши под дождём. Но толку от неё в бою не было никакого.

У Цзян Тана от этой сцены уже начинало подгорать. Если собралась уходить, так уходи быстрее. Чего ты тут мямлишь? Ему казалось, ещё немного такого «не уйду», и Сун Цзиньяо просто рухнет замертво на месте.

Сун Цзиньяо тяжело и часто дышал, но всё равно, не оборачиваясь, крикнул:

— Быстро наружу! Найдите кого-нибудь и приведите за мной помощь!

Шэн Итюэ наконец перестала плакать.

Тонкой рукой она вытерла слёзы и, опираясь на Сун Яня, поспешно выбежала из этой жуткой пещеры.

На этом Фу Линцзюнь закрыл водяное зеркало и, обернувшись, встретился взглядом с любопытными глазами маленькой белой собачки.

— Если все младшие, на которых они возлагают надежды, умрут на утёсе Жисы, не придут ли они тогда сами посмотреть, какую тайну прячет там Цзян Чаньюань?

Мужчина уже сбросил маскировку. Распущенные волосы спадали на плечи, а улыбка у него была мрачной, горделивой и опасно прекрасной.

Примечание автора:

А потом Фу Линцзюнь вспомнил, что во время общения душ у маленькой собачки в голове мелькали всевозможные фантазии, позы и места... Оказывается, вот оно как ещё бывает!

<http://bllate.org/book/17032/1604290>